

В глубине мерцающего кануна Рождества доносились стихи, а холодный воздух струился по коже. Цзи Шаотин стоял на перекрёстке, неподвижно держа зонт. В сердце Ли Чэня внезапно возникло беспокойство, и он невольно выкрикнул:

— Тин!

— Я скоро вернусь, — впервые прервал его Цзи Шаотин. — Очень скоро.

Он побежал в сторону Берга.

Ли Чэнь смотрел на их обнимающиеся фигуры, думая, что на самом деле у него нет ничего.

Действительно ли он удерживал Цзи Шаотина в своих руках? Если бы не та случайная встреча ночью, если бы компания семьи Цзи не оказалась в долгах, сейчас Цзи Шаотин, вероятно, стоял бы рядом с этим западным мужчиной, наслаждаясь ясным лунным светом после рождественской вечеринки с коллегами.

Объятия Цзи Шаотина были сдержанными, он понимал, что нельзя затягивать этот момент, иначе смысл изменится. Он быстро отпустил Берга, улыбнулся, открыл рот, на несколько секунд задумавшись между «извини» и «спасибо», и в конце концов выбрал последнее.

Затем его увел Ли Чэнь, крепко взяв за руку.

Снег был лёгким, но казалось, что он давит на грудь. Цзи Шаотин молча шёл за Ли Чэнем некоторое время, прежде чем тихо произнёс:

— Я ничего лишнего не сказал.

— Я слышал, — ответил Ли Чэнь.

Он не сказал: «Я знаю твои чувства», не сказал: «Всё не так, как ты думаешь», не сказал: «Мы с моим мужем просто притворяемся». Цзи Шаотин лишь произнёс двусмысленное «спасибо» — то ли за вечер вечеринки, то ли за многолетнюю преданность. Только он сам мог правильно интерпретировать это.

Цзи Шаотин действительно был полон сострадания, что делало ситуацию ещё более жестокой. Он не хотел ранить, знал, но делал вид, что не знает. Так он поступал с давним другом, так же и с этим внезапно появившимся незнакомцем.

Возможно, положение Ли Чэня было ещё печальнее, ведь начало их отношений было всего лишь сделкой, без капли искренности со стороны Цзи Шаотина.

Будет ли Цзи Шаотин грустить, когда придёт время расстаться? Или почувствует облегчение, освободившись от Ли Чэня, ведь для него всё это было лишь способом отплатить долг, и он вынужден был ежедневно носить маску, притворяясь любовником перед другими.

... О чём он думает? Как Цзи Шаотин может уйти от него?

Цзи Шаотин просто не сможет уйти, хочет он того или нет, он должен остаться с Ли Чэнем навсегда. Вот так.

Сегодня он, должно быть, слишком много выпил, раз начал представлять, как Цзи Шаотин уходит. Семья Цзи была ему сильно обязана, как же Цзи Шаотин может уйти?

Зонт уже вернули Бергу, а снег становился всё сильнее. Цзи Шаотин, словно привыкший к такому, сказал, что это просто временный снегопад, который скоро утихнет, и указал на бар на углу улицы, предложив зайти туда.

Он действительно был пьян, иначе бы не бросился обнимать другого мужчину на глазах у Ли Чэня, а оказавшись в шумной атмосфере бара, стал ещё более раскованным. Ли Чэнь задумчиво смотрел на его улыбающееся лицо, на руку, обвивающую его талию, и на капризный тон:

— Ну как, пойдёшь?

Ли Чэнь вдруг вспомнил слова Цзи Линьчжана: «Тин очень привязчивый».

Оказывается, это правда.

— А Чэнь, — Цзи Шаотин, устав ждать ответа, надул щёки, и в его голосе появилась нотка жалобы. — Я же спрашиваю тебя, не отвлекайся, ну как, умеешь танцевать?

Они стояли в тени, но время от времени свет дискотеки из танцпола бросал яркие блики, которые попадали прямо в ясные глаза Цзи Шаотина, создавая неземное сияние.

Ли Чэнь, конечно, не умел танцевать, но по какой-то неведомой причине кивнул.

Цзи Шаотин улыбнулся, взял Ли Чэня за руку и повёл на танцпол.

Цзи Шаотин был настоящим мастером общения, и танцы ему давались с лёгкостью. Вскоре он понял, что Ли Чэнь солгал, и рассмеялся:

— Что это? Ты вообще не умеешь, обманщик.

Это «обманщик» было полным кокетства, и Ли Чэнь не почувствовал ни капли дискомфорта. Напротив, его сердце растаяло. Он наклонился, прижав лоб ко лбу Цзи Шаотина, и ласково спросил:

— Так научишь меня, Тинтин?

— Конечно, — Цзи Шаотин покачал головой.

С потолка барных колонок лилась мягкая рождественская мелодия, и Цзи Шаотин замедлил шаги, показывая Ли Чэню, как двигаться вперёд и назад.

Оранжево-жёлтый свет в баре создавал больше теней, чем света, а старые стулья и столы растворялись в дымке алкогольных паров. На стойке висели ряды аккуратных бокалов.

Яркие, кричащие огни создавали иллюзию сна, окутывая мужчин и женщин, которые не спешили домой в канун Рождества.

Ли Чэнь быстро учился, и вскоре освоил базовые шаги. Цзи Шаотин был рад больше, чем он сам, и без конца хвалил его.

Способность Цзи Шаотина к эмпатии была чрезмерной — он мог радоваться твоим успехам, как своим. Ли Чэнь не мог не подумать, что именно поэтому он был так очарован этим человеком. В такие моменты он казался словно вторым «я».

Он мог исцелить любую боль.

Ли Чэнь всегда понимал, что имел в виду Берг, но с каждой минутой, проведённой с Цзи Шаотином, он понимал это всё глубже. Цзи Шаотин был чем-то противоестественным — эмоции нельзя разделить, но он умел плакать и смеяться вместе с тобой.

Но это нужно знать только Ли Чэню.

Цзи Шаотину не нужно чувствовать чужие эмоции, это лишь добавляло ему лишних страданий.

Ли Чэнь наконец понял, почему он не хотел, чтобы Цзи Шаотин работал. Его работа была слишком специфической — он ежедневно видел самые страшные сцены: разрушенные семьи, потерянных детей.

Цзи Шаотин пришёл в этот мир не для этого. Зачем ему заботиться обо всех? Он должен просто всегда улыбаться и оставаться рядом с ним.

— Надо тебя наградить.

В тот момент, когда Ли Чэнь отвлекся, Цзи Шаотин вдруг произнёс это, затем сделал поворот и вернулся с розой в зубах.

Цзи Шаотин был бледным, что делало розу ещё ярче, красной, как сердце.

Он подошёл, неся с собой аромат ещё живой розы. Родинка на его виске, наконец, приобрела демонический оттенок, делая его взгляд снизу вверх смертельно привлекательным.

Цзи Шаотин был тепло одет, но Ли Чэнь видел только открытые участки его кожи — шею, запястья, мочки ушей, которые переливались, как ракушки.

Зачем заботиться обо всех, если это его Цзи Шаотин, скреплённый печатью брака, обменявшийся кольцами, символизирующими вечность? Его нежность может принадлежать только Ли Чэню, никому больше.

Это не эгоизм, это естественно.

Цзи Шаотин встал на цыпочки, приблизившись, и его губы слегка коснулись щеки Ли Чэня, издав звук «М?», намекая, чтобы тот быстрее принял награду.

Но Ли Чэнь вытащил розу, заменив её рукой, которая ласкала уголок рта Цзи Шаотина. Цзи Шаотин недоумённо моргнул, встретившись с мрачным взглядом Ли Чэня:

— Тинтин, я хочу вот это.

Цзи Шаотин, казалось, серьёзно задумался на несколько секунд, а затем весело кивнул:

— Можно.

И добавил с облегчением:

— Хорошо, что ты на этот раз спросил.

Цзи Шаотин был настолько пьян, что из него можно было выжать сладкий ликёр, настолько крепкий, что даже Ли Чэнь с его хорошей выносливостью к алкоголю не мог устоять. Когда они

вышли из бара, Цзи Шаотин шатался, бормоча что-то вроде:

— Слишком жёстко, это убийство, ты меня задушишь.

Ли Чэнь, сбитый с толку, думал, что настоящее убийство ещё впереди — на кровати они будут переплетаться, как трупы, наслаждаясь экстазом до самого конца, до дна бездны желания.

Этот снег действительно был временным, после буйства он утих, но Ли Чэнь не мог больше наслаждаться бесконечным кануном Рождества, поэтому поймал такси и отправился прямо в отель.

Небо над большим городом было тёмным, они проехали несколько пустынных улиц, покрытых чистым снегом.

А его ангел был в его объятиях — тело, чище снега, с душой, пришедшей из другого мира.

Он наконец понял, среди бесчисленных размытых лиц в этом мире, с помощью невиданной, необъяснимой любви, кто такой Цзи Шаотин.

Ли Чэнь прижал Цзи Шаотина к двери, глубоко поцеловав его. Его объятия были такими же тяжёлыми, как его любовь, почти всей своей тяжестью вдавливаясь в кости Цзи Шаотина.

Цзи Шаотин слабо толкал его за плечи, всё ещё в тумане, не понимая, что плохого может произойти, и в перерывах между дыханием бормотал:

— Я же сказал, не будь таким грубым.

Ли Чэнь развернулся и прижал Цзи Шаотина к кровати.

<http://bllate.org/book/16306/1470749>